

Уроки «арабской весны»: предварительные выводы

Александр ФИЛИПОВ,
кандидат политических наук

«Арабская весна – 2011» всколыхнула не только Ближний Восток, но и весь мир. Однако, несмотря на свою, казалось бы, сезонность, это явление все еще получает активное развитие и находится в поле зрения многочисленных аналитиков и политологов, которые пытаются осмыслить его внутреннюю сущность, определить движущие силы, проблемы и перспективы, охарактеризовать роль и место в мировой истории. И хотя окончательная оценка событий, происходящих сейчас в ряде арабских стран, как и их последствий – удел нескорого времени, предварительные выводы можно сделать уже сегодня.

В первую очередь очевиден тот факт, что бедность и экономическое положение не стали основными причинами революций в Египте, Тунисе, Ливии и Сирии. За время 30-летнего (1981–2011) правления в Египте Хосни Мубарака валовой внутренний продукт этой страны вырос в 4,5 раза, что является одним из лучших показателей для стран так называемого третьего мира за последние три десятилетия [1]. И если в 2001 году ВВП Египта составлял 97,6 млрд, то в 2010-м он уже достиг 218,9 млрд долларов. Его ежегодный рост за это время колебался от 4,6 до 7,3 %. В расчете на душу населения с 2006 по 2009 год ВВП Египта увеличился с 1290 до 2070 долларов (для сравнения: в Ираке этот показатель три года назад составил 2210 долларов, в Индонезии – 2050, в Индии – 1220, в Йе-

мене – 1060 долларов). Существенно вырос ВВП и в других странах, где нашла свою прописку «арабская весна». Так, в Тунисе в 2001 году он составлял 20 млрд долларов, а в 2009-м уже 39,6 млрд долларов, Сирии – 21,1 и 52,2 млрд долларов, Ливии – 28,4 и 62,4 млрд долларов соответственно [2; *здесь и далее экономические показатели, если это не оговорено специально, взяты на портале Всемирного банка*].

К тому же в этих странах наблюдался и существенный рост валового национального дохода в расчете на душу населения. В 2009 году в Египте он составил 5680 долларов (3720 в 2001 году), а в 2010-м – 6020, в Ливии – 16 400 долларов (данных на 2001 год нет, в 2002 году – 10 450), в Сирии – 4620 долларов (3330), в 2010 году – 5080, в Тунисе – 7810 долларов (4890), в 2010-м – 8940.

Кроме этого, руководству практически всех указанных государств удавалось более-менее успешно бороться и с безработицей. Ее уровень в Египте в 1990–2010 годах находился на относительно высоком уровне, но начиная с 2000 года наметилась устойчивая тенденция по его снижению – до 9,4 % в 2010 году. В Тунисе в 1990–2009 годах уровень безработицы снизился с 16 до 14,3 %, а в Сирии в 2001–2010 годах с 12 до 8 %. К сожалению, подобной статистики по Ливии нет.

Кстати, данные по безработице в Тунисе, Сирии и Египте разительно отличаются от аналогичных показателей в некоторых ев-

ОБ АВТОРЕ

ФИЛИПОВ Александр Анатольевич.

Родился в 1983 году в Минске. В 2005 году окончил Белорусский государственный университет, в 2006 году получил степень магистра гуманитарных наук.

В 2006–2009 годах на преподавательской работе в Академии управления при Президенте Республики Беларусь, в 2007–2011 годах – аспирант кафедры идеологии и политических наук Академии управления при Президенте Республики Беларусь. С 2009 года работает главным специалистом Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь.

Кандидат политических наук (2011).

Автор более 40 публикаций.

Сфера научных интересов: история арабского мира, политические системы арабских государств.

▲ Каир после свержения Хосни Мубарака

ропейских странах. Например, в 2009 году уровень безработицы в Косово составлял 45,4 %, в Македонии – 32,2, в Испании – 18, в Латвии – 17,1, в Эстонии и Литве – по 13,7, в Словакии – 12,1, в Ирландии – 11,7%. Необходимо также учесть, что для многих из названных стран характерна отрицательная демографическая динамика, которая должна способствовать снижению уровня безработицы. А вот снижение уровня безработицы в Египте, Сирии и Тунисе и рост ВВП в этих странах происходили на фоне значительного роста населения: в Тунисе с 9,7 млн человек в 2001 году до 10,5 млн в 2010 году, в Египте – с 71,5 до 81 млн, в Сирии – с 17 до 20,4 млн соответственно.

Таким образом, для всех этих государств, потрясенных «арабской весной», был характерен достаточно высокий и стабильный рост валового национального дохода на душу населения. Исходя из этого, можно сделать вывод, что экономические причины не стали основной движущей силой волнений в арабском мире. Косвенно это подтверждают и западные эксперты. Многие из них, кстати, называли Тунис «экономическим чудом», а МВФ описывал правительственный менеджмент в этой стране как «разумное макроэкономическое управление» [3]. Благоклонно западные политики взирали и на экономическую политику президента Египта Хосни Мубарака [3].

События «арабской весны», произошедшие в Египте и Тунисе, получили наименование «твиттерных революций». И это одновременно свидетельствует об относительно высоком достатке, в частности компьютеризации, их жителей, и о той значительной роли, которую сыграли Интернет и социальные сети в организации протестов. Число пользователей Интернетом в Египте в 2001–2010 годах возросло с 600 тыс. до 24,3 млн (30 пользователей на 100 человек), в Тунисе – с 410 тыс. до 3,9 млн (37 пользователей), в Ливии – с 125 тыс. до 889 тыс. (14), а в Сирии – с 365 тыс. до 4,3 млн (21) соответственно. Следует отметить, что на фоне ряда европейских государств даже показатель Туниса выглядит весьма скромно: в Беларуси, например, 32 пользователя на 100 человек, в Литве – 63, в Венгрии – 53, в Эстонии – 74 (данные за 2010 год).

Необходимо учитывать, что в Сирии, в которой распространенность Интернета в обществе можно сравнить с Египтом, организовать «твиттерную революцию» не получилось. Частично это связано с жесткой интернет-цензурой, проводимой властями. Вместе с тем в Ливии, где удельный вес интернет-пользователей очень невелик, вспыхнуло самое настоящее восстание. Это означает, что Интернет является лишь средством организации и проведения подобных выступлений, его эффективность может быть усилена или ослаблена действиями других факторов.

С другой стороны, внутривластная обстановка в Сирии, стране с чрезвычайно разнородным в этническом и конфессиональном плане населением, всегда была значительно сложнее, чем в Египте. Режим Хосни Мубарака считался одним из самых стабильных в регионе, положение страны было прочным и на международной арене [4, с. 82].

Важно оценить и «западный» фактор в «арабской весне». Рассматриваемые страны – Ливию, Сирию, Египет и Тунис – можно разделить на две группы. К первой группе относятся государства с явно прозападной ориентацией (Египет и Тунис), что позволяло их лидерам длительное время оставаться у власти и установить фактически диктаторское правление. Так, руководитель Туниса Зин эль-Абидин Бен Али бесценно находился на своем посту с 1987 года. Тем не менее, в декабре 2003 го-

да государственный секретарь США Колин Пауэлл, хоть и с определенными оговорками, заявил: «Наши двусторонние отношения очень, очень сильны... Мы очень восхищаемся Тунисом и тем прогрессом, который он совершил под руководством президента Бен Али» [5]. Несмотря на то что в Тунисе свобода слова, собраний и выражения мнения была очень ограничена, министр обороны США Дональд Рамсфельд, находясь в 2006 году с визитом в этой стране, назвал ее «демократической», утверждая, что «у нас длительные отношения с Тунисом... Тунис – это умеренная мусульманская страна, которая давала и дает миру пример очень конструктивного руководства» [6].

Не менее благосклонно западные страны относились и к Египту, где с 1981 года президентом оставался Хосни Мубарак. Президент США Джордж Буш-младший в свое время высказался о египетском лидере следующим образом: «Я очень ценю дружбу с президентом Мубараком, мне очень импонирует его объективность. И я хочу поблагодарить президента за поддержку США в борьбе с терроризмом. Он хороший друг, и я ему за это благодарен» [7].

Две другие страны – Ливия и Сирия – длительное время находились в натянутых, а иногда и в конфронтационных отношениях с Западом. В Ливии с 1969 по октябрь 2011 года вся полнота власти была сосредоточена в руках Муаммара Каддафи. В Сирии с 1963 года у власти находится Партия арабского социалистического возрождения. В 1971–2000 годах президентом этой страны был Хафез Асад, который смог передать власть своему сыну Башару, нынешнему сирийскому лидеру.

Все упомянутые страны в идеологическом плане объединяет приверженность той или иной форме арабского национализма, воплощенного в собственной модели развития. Так, основы современного египетского государства были заложены активным деятелем арабского движения Гамалем Абдель Насером, президентом Египта в 1956–1970 годах, а тунисского – лидером этой страны на протяжении многих лет Хабибом Бургибой. Первоначально все эти страны ориентировались на социалистическое устройство, однако под влиянием, прежде всего, внешних факторов Египет и Тунис выбрали либеральную модель развития, значительно укрепив отношения с Западом.

В начале 2000-х годов попытки отойти от собственного пути развития и сблизиться с Западом наблюдались в Ливии и Сирии. В Ливию были допущены иностранные компании, подписаны контракты о строительстве газопровода в Италию. В июне 2003 года Муаммар Каддафи объявил курс на «народный капитализм», было заявлено о приватизации нефтяной и смежной отраслей промышленности Ливии. Активизировались контакты с государствами Запада, в том числе и с США [8]. В 2007 году сын ливийского лидера Сейф аль-Ислам даже защитил в Лондонской школе экономики диссертацию на тему «Роль гражданского общества в демократизации институтов глобального управления» (The Role of Civil Society in the Democratisation of Global Governance Institutions).

После прихода в 2000 году к власти в Сирии Башара Асада и здесь наметились тенденции к потеплению отношений с Западом. При поддержке Франции эта страна стала полноправным членом Средиземноморского союза. В начале 2010 года Соединенные Штаты отменили рекомендацию своим гражданам воздерживаться от поездок в Сирию, и практически одновременно президент Барак Обама назначил Роберта Форда на остававшуюся вакантной с 2005 года должность посла США в Сирии. Однако незначительные улучшения сменялись фазами обострения отношений, такими как резкое выступление Сирии против вторжения США в Ирак в 2003 году, обви-

▼ В лагере ливийских беженцев в Египте

нения в адрес Сирии в организации убийства ливанского премьер-министра Рафика Харири в 2005 году, осуждение Сирии за ее поддержку движения «Хезболла» во время вооруженного конфликта Ливана с Израилем в том же 2005 году.

Можно отметить, что тесные отношения с Западом и необходимость следования навязываемым стандартам в области демократии значительно ослабили государственную власть и в Тунисе, и в Египте, привели к формированию у хорошо разбирающейся в компьютерных технологиях молодежи стремления к большей справедливости, что и стало основной силой «арабской весны». Власти Туниса и Египта, отказавшись от построения собственной модели развития, не смогли предложить этой молодежи альтернативного идеологического проекта.

Политическая элита в упомянутых странах не сменялась десятилетиями [4, с. 85]. Однако во всех из них, кроме Сирии, государственная идеология была тесно связана с личностью руководителя страны. Проблема заключалась в том, что новое поколение уже не видело в этих лидерах героев или выдающихся людей. Ситуацию усугубляло и то, что на заре своей политической карьеры Зин эль-Абидин Бен Али, Хосни Мубарак и Муаммар Каддафи, будучи представителями идеологии арабского колониализма, активно выступали с антиколониальными и антизападными лозунгами. Улучшение отношений с Западом привело к фактическому отказу от многих элементов идеологии, к возникновению своеобразного идеологического вакуума, который им не удалось заполнить.

Создать реальную конкуренцию западным ценностям можно только на основе собственной модели развития. Такая модель была предложена М. Каддафи в Ливии и основателем Партии арабского социалистического возрождения (Баас) Мишелем Афляком в Сирии. Однако в Ливии модель носила крайне «личностный» характер и, несмотря на усилия М. Каддафи, не была модернизирована с учетом современной эпохи, а продолжала отражать реалии 1960–1970-х годов [9, с. 198]. В Сирии же имеется опыт адаптации модели развития к новым условиям (приход в 1970 году к власти Хафеза Асада). В 2000-х годах предложенный баасистами идеологический проект подвергся очередной модификации, что позволяет властям консолидировать политическую элиту

страны, использовать наряду с силовыми и идеологические инструменты воздействия [10, с. 113].

Необходимость адаптации и модернизации уже существующих и доказавших свою успешность альтернативных моделей развития не вызывает сомнений у значительного числа специалистов. События в арабском мире демонстрируют не только появление новых мощных инструментов давления и воздействия на политическую систему той или иной страны. Они с убедительностью показывают обострение проблемы «роста» – проблемы ограниченности природных ресурсов.

Вопросы существования человечества в условиях сокращения запасов невозобновляемых природных ресурсов и в перспективе их полного исчезновения актуализировались в западной интеллектуальной среде в конце 1960-х – начале 1970-х годов. В 1972 году в докладе группы интеллектуалов (Донелла Медоуз, Деннис Медоуз, Йорген Рандерс и Уильям Беренс) Римскому клубу «Пределы роста» были представлены результаты моделирования роста человеческой популяции и исчерпания природных ресурсов.

Основными составляющими проблемы дефицита природных ресурсов являются увеличение населения планеты и рост потребления. Ожидается, что к 2050 году население Земли составит 9 млрд человек. Несмотря на меры демографического регулирования, этот процесс остановить не удастся. В связи с этим важнейшее место занимает стратегия перераспределения ресурсов в пользу ведущих мировых держав. Так, 15 % населения мира потребляют 80 % ВВП, в то время как 43 % населения живут менее чем на 2 доллара в день [11].

Мировая экономика начинает ощущать сокращение добычи природных ресурсов, что еще больше увеличивает разрыв между богатыми и бедными, заставляя последних потреблять еще меньше, и обостряет конкуренцию между государствами за уже имеющиеся (например, Ливия) или перспективные (например, Арктика) запасы природных ресурсов.

В настоящее время рассматривается ряд сценариев развития сложившейся ситуации с ресурсами. Все они основаны на необходимости резкого снижения потребления развитыми странами. Реализация данных

сценариев представляется маловероятной. Политические события последних лет показывают, что развитые страны избрали путь борьбы за перераспределение зон влияния и снижение потребления в слабых государствах, находящихся в фарватере политики Запада.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Узко экономические причины не объясняют причин революций 2011 года в арабском мире. Положительная динамика экономических показателей не является гарантом социально-политической стабильности в арабском обществе. Очевидно, что эти движения (в Египте, Тунисе, Марокко, Бахрейне и др.) были вызваны глубинными процессами в арабском обществе, результаты которых в настоящее время сложно прогнозировать.

2. Интернет – лишь средство организации и проведения подобных выступлений. Развитие интернет-технологий не коррелируется напрямую с возможностью социального взрыва.

3. Наиболее уязвимыми для революций стали страны с вестернизированной политической и экономической элитой и, как следствие, отказавшиеся от построения национальной модели развития.

4. Сформировавшиеся в 1950–1970-х годах в арабском мире идеологии в настоящее время переживают упадок, основными причинами которого стали естественная смена поколений и отказ вестернизированных

▲ **Авианалет НАТО на Триполи**

▲ **Триполи после авианалета**

элит от многих элементов этих идеологий в пользу западных ценностей. Исключением являются страны, политические системы и идеологии которых базируются на национальных ценностях и традициях своего народа. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Зинькина, Ю.В., Коротаев, А.В. Египетская революция 2011 г.: структурно-демографический анализ / Ю.В. Зинькина, А.В. Коротаев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2011/03/04/egyrev/>. – Дата доступа: 08.01.2013.
2. World Bank Group [Electronic resource]. – Mode of access: <http://data.worldbank.org/>. – Date of access: 21.01.2013.
3. The African Challengers [Electronic resource] / The Boston Consulting Group. – Mode of access: <http://www.bcg.com/documents/file44610.pdf>. – Date of access: 08.01.2013.
4. Гилевич, М. Праздник непослушания / М. Гилевич // *Беларуская думка*. – 2011. – № 4. – С. 80–87.
5. US urges Tunisia to pursue reform [Electronic resource]. – Mode of access: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/3257342.stm>. – Date of access: 07.01.2013.
6. Jilani, Z. Bush Administration Officials Praised Tunisia Under Dictator As A 'Democracy' Making 'Progress' / Z. Lilani [Electronic resource]. – Mode of access: <http://thinkprogress.org/security/2011/01/20/139960/bush-administration-tunisia-democracy/>. – Date of access: 09.01.2013.
7. Асадова, Н. Мухаммед Хосни Сейид Мубарак / Н. Асадова [Электронный ресурс] / Коммерсантъ Власть. – № 45 (699). – 2006. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/720969/>. – Дата доступа: 09.01.2013.
8. Каддафи Муаммар [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.wikipedia.org. – Дата доступа: 10.01.2013.
9. Филиппов, А.А. Традиционная ливийская политическая система и ее джамахирийская модернизация / А.А. Филиппов // *Науч. труды Акад. управления при Президенте Республики Беларусь*; редкол.: С.Н. Князев (гл. ред.) [и др.]. – 2007. – Вып. 9. – С. 191–198.
10. Филиппов, А.А. Третий путь для Сирии / А.А. Филиппов // *Беларуская думка*. – 2011. – № 1. – С. 108–113.
11. Nilsson, S. The struggle for natural resources / S. Nilsson [Electronic resource] / International Institute for Applied System Analysis. – Mode of access: www.riskkollegiet.nu/seminarier/KVA100310/SemKVA-100310-6.pdf. – Date of access: 12.01.2013.